

РЕСУВЕРЕНИЗАЦИЯ АФРИКИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

© 2024 Д.А. Дегтерев

ДЕГТЕРЕВ Денис Андреевич, доктор политических наук, кандидат экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центр изучения проблем переходной экономики, Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация. ORCID: 0000-0001-7426-1383. E-mail: ddegterev@inafr.ru

Аннотация. Данная работа посвящена как теоретическим, так и практическим аспектам укрепления суверенитета на Африканском континенте. В первой части проведен критический анализ «конвенциональной» общественной науки и сделан вывод о недостаточности работ, рассматривающих проблематику суверенитета. Также в теоретической части работы приведена матрица сопряжения понятий, как синонимичных (суверенитет и безопасность), так и антонимичных по отношению к первым (гегемонизм и неокOLONиализм). Показаны основные классификации видов суверенитета, гегемонизма и неокOLONиализма в трактовках ведущих советских, российских, западных и африканских исследователей. В качестве теоретической рамки исследования используются наработки выдающегося российского интеллектуала В.Л. Цымбурского, выделявшего «суверенитет факта» и «суверенитет признания», а также разделявшего политическую и правовую природу суверенитета. Сквозь данную рамку рассматривается как текущая ситуация в Сахеле и на Африканском континенте в целом, так и небывалый подъем усилий по укреплению суверенитета в Африке, который наблюдался в 1970–1980-е гг. на пике активности Движения неприсоединения и ЮНКТАД. Показана проблематика защиты суверенитета (обеспечения комплексной безопасности) в декларациях саммитов БРИКС 2009–2022 гг. Сделаны выводы о «двойной эволюции» внешних структур «геополитического признания», произошедшей сразу после распада СССР и в последние несколько лет, когда наблюдается эрозия западноцентричной системы. В заключительном разделе показана общность подходов РФ и Африки к защите суверенитета в текущей мир-системе, а также сделан вывод о необходимости учесть уроки из предыдущей попытки консолидации «Глобального Юга» (1970–1980-е гг.).

Ключевые слова: Африка, Россия, суверенитет, Движение неприсоединения, БРИКС, гегемонизм, многополярность, глобальное управление, экономическая наука, зависимое развитие

DOI: 10.31132/2412-5717-2024-69-4-29-48

Для цитирования: Дегтерев Д.А. Ресуверенизация Африки в контексте формирования нового миропорядка. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. № 4. С. 29–48. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-69-4-29-48>

В современном мире понятие суверенитета чрезвычайно амбивалентно, часто обесценивается и инструментально принимает тот смысл, которое придают ему интерпретаторы в контексте «игр суверенитета» [Идея суверенитета 2008: 9, 21]. Еще первый президент (1960–1966) независимой Ганы К. Нкрума (1909–1972) на заре африканской независимости, в начале 1960-х гг. отмечал: «Суть неокOLONиализма

заключается в том, что государство, которое ему подвержено, *теоретически независимо и имеет все внешние атрибуты международного суверенитета* [Nkrumah 1966: ix]. В XXI в. происходит манипулирование не только данным отдельным понятием, но и всем смежным дискурсом, когда освобождение от неокOLONиальной зависимости подменяется нарративами «подлинной эмансипации», включающими в том числе и различные элементы «новой этики».

В данной работе, в рамках «исправления имен», предпринята попытка вернуть понятие суверенитета, его африканское измерение, в более строгие рамки, наполнив его в том числе предметно-практическим содержанием. Этому способствуют два предыдущих специализированных номера журнала «Ученые записки Института Африки РАН» (№ 2 и № 3 за 2024 г.), на страницах которых развернулась подлинная научная дискуссия с участием как ведущих российских, так и африканских интеллектуалов. Фактически шла проработка отдельных положений прикладных концепций суверенитета и данный материал будет содержать множество отсылок на эти труды.

Рассмотрим сначала представленность данной концепции в общественной науке, а также ее сопряжение с другими смежными и антонимичными понятиями, также исследуем связь суверенитета «на земле» с «геополитическими структурами признания». Далее покажем, что в настоящее время, по мере институционализации БРИКС, наблюдается уже вторая попытка укрепления суверенитета стран континента (первая была в 1970–1980-х гг. при активном участии Движения неприсоединения). В работе также представлена взаимосвязь ресуверенизации России и Африки в контексте формирования многополярного мира.

СУВЕРЕНИТЕТ: НАУКА, КОТОРОЙ НЕ УЧАТ

В «конвенциональной» западнoцентричной общественной науке – будь то экономическая или политическая, либо находящаяся на стыке международная политическая экономика (МПЭ), – как правило, отсутствуют теоретические разделы, показывающие, как государство может укрепить свой суверенитет и позиции в существующей системе международных отношений, выйти из зависимого состояния. Так, классическая МПЭ основана на работах «великолепной семерки» – Р. Гилпина (США), П. Катценштейна (США), Р. Кохейна (США), Ч. Киндлбергера (США), Р. Кокса (Канада), С. Краснера (США) и С. Стрэндж (Великобритания) [de Oliveira, Kvangraven 2023: 1677]. Таким образом, пул авторов носит условно этноцентричный характер (англо-саксонское ядро «Коллективного запада»), но при этом разрабатываемые ими теории претендуют на универсальность [Дугин 2024: 12–13; 17–18]. При этом императивы национального суверенитета стигматизируются, например, посредством распространения таких нарративов как «техно-национализм» или «балканизация Интернета» [Дегтерев 2022: 367].

Даже западные эксперты признают, что классическая МПЭ игнорирует целый ряд важных для «Глобального Юга» и особенно для Африки тем. Вместо обсуждения преимуществ гегемонистской стабильности для африканцев важнее понять механизмы сопротивления этой гегемонии; вместо механизмов принятия внутривполитических решений – добиться освобождения от влияния компрадорских элит при формировании национальной политики; вместо преимуществ международных режимов – оценить ограничения, которые они создают для выхода стран Африки из зависимого развития, и так далее [de Oliveira, Kvangraven 2023: 1678]. В то же время западному миру уже не выгодно говорить, например, о либерализации торговли как о безусловном благе,

поскольку ее относительные выгоды максимальны для КНР, но не для США [Дегтерев 2024б: 65–68].

Таким образом, мейнстримная западнцентричная наука выступает скорее за сохранение статуса-кво («богатый Север», «бедный Юг»), а прикладные интересы исследователей центра и периферии, мягко говоря, не совсем совпадают. При этом сторонники критических теорий, в том числе из числа западных интеллектуалов, отнесены к «писателям и критикам», то есть выведены за рамки «конвенциональной» академической науки. Их признают разве что в рамках так называемой гетеродоксальной экономики [Дегтерев 2024в: 62–64], то есть надежно огороженного «уголка ораторов» (*Speaker's Corner*) в «Гайд-парке» «конвенциональной» экономической науки. На самом континенте прошли славные времена *CODESRIA*¹ под руководством политолога и экономиста, одного из основоположников мир-системного подхода Самира Амина (1931–2018) [Хохолькова 2024: 35–38], агентность африканской науки зачастую находится под вопросом [Дегтерев 2024а], а значительная часть академических журналов принадлежит мейнстримным (в первую очередь, британским) издательским компаниям [Шай 2024: 110–111].

В такой непростой обстановке очень важны «маяки», то есть авторы, работы которых освещают «беспросветную мглу» «конвенциональности». И если последняя призвана показать в духе неолиберального детерминизма, что выбора нет (тэтчеровское *There is no alternative!*²), то «маяки» дают надежду! Как правило, это достаточно убежденные интеллектуалы, которые уверены в другом будущем для Африки и не поддаются давлению конъюнктурной дискурсивной гегемонии.

В сфере экономики сто́ит упомянуть работавшего значительную часть жизни в Дакаре (Сенегал) египтянина Самира Амина [Amin 2012], нигерийского политэконома Клода Аке (1939–1996) [Аке 1985] и некоторых других. Среди них, кстати, есть и западные исследователи критического толка, в том числе Иан Тэйлор (1969–2021), завещавший свою научную библиотеку Аддис-Абебскому университету [Vasiliev, Degterev, Shaw 2021: 12; 21–38]; Ингрид Квангравен [de Oliveira, Kvangraven 2023]; Падрэйг Кармоди, представляющий взвешенный взгляд на экономические развитие континента [Carmody, Murphy 2024]; критический исследователь Марк Ланган [Langan 2018; Langan 2023]. Оригинальные теории интеграции в Африке развивает нигериец Эрнест Анише [Анише 2024].

Для обеспечения суверенитета не менее важна и гуманитарная сфера. Не случайно по просьбе африканской стороны в 2023 г. в Санкт-Петербурге в рамках саммита Россия-Африка состоялся не только Экономический, но и Гуманитарный форум Россия-Африка³. Блестящий кенийский интеллектуал Мачария Мунене показывает, как на протяжении всего XX в. шла незримая битва между двумя репрезентациями Африки: колониальной (неоколониальной) и собственно африканской [Мунене 2024]. Одним из тех, кто пробуждал африканское самосознание, был сенегалец Шейх Анта Диоп [Садовская 2024]. Южноафриканский профессор Кготатсо Шай использует афроцентричный подход в современных научных исследованиях [Шай 2024].

¹ Совет по развитию исследований в области социальных наук в Африке (*Conseil pour le développement de la recherche en sciences sociales en Afrique, CODESRIA*) — панафриканская исследовательская организация со штаб-квартирой в Дакаре, Сенегал.

² Chen J. TINA: An Acronym For 'There Is No Alternative' Defined. *Investopedia*. 10.09.2022. <https://www.investopedia.com/terms/t/tina-there-no-alternative.asp> (accessed: 11.10.2024)

³ Второй саммит. Экономический и гуманитарный форум РФ-Африка. За мир, безопасность и развитие. *Росконгресс*. <https://summitafrica.ru/> (дата обращения: 11.10.2024)

Ряд африканских интеллектуалов пытается балансировать между конвенциональным западным дискурсом и непредвзятым анализом реальных проблем континента [Mooyo 2024; Ndlovu-Gatsheni 2021], вплетая в него нарративы постколониальных исследований [Фитуни, Абрамова 2020; Дегтерев 2023: 25–35], однако следование за мейнстримной повесткой лишь снижает остроту их анализа. Так, в свое время кенийско-американский исследователь отношений между Севером и Югом Али Мазруи (1933–2014) пытался лавировать между американской академией и интересами Африки, пока гайанский ученый и политический деятель-панафриканист Уолтер Родни (1942–1980) в ходе интеллектуальной дискуссии не обнажил всю абсурдность такой линии [Мунене 2024: 13].

К числу «маяков» относится и выдающийся российский интеллектуал В.Л. Цымбурский, который в «сумеречные» 1990-е гг. концептуализировал суверенитет, пытаясь отстоять его хотя бы в ментальном пространстве в своей знаменитой работе и манифесте геополитического изоляционизма «Остров Россия» [Цымбурский 1993]. После серии своих ранних статей на тему суверенитета в начале 1990-х гг. [Цымбурский 1992] в 2008 г. он выступил с программным докладом, отдельные положения которого были уточнены в выступлениях других участников научного семинара [Идея суверенитета 2008], что и легло в основу ряда исходных предпосылок для анализа в рамках данной статьи.

СУВЕРЕНИТЕТ КАК ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕОКОЛОНИАЛИЗМУ

Понятие суверенитета в абсолютном выражении предполагает невозможность влияния на принимаемые страной решения во внутренней и внешней политике посредством различных инструментов воздействия в политической, экономической, информационной и прочих сферах. В период глобальных трансформаций (а именно такую эпоху мы переживаем в настоящее время) происходит секьюритизация (в более широком контексте – политизация) отдельных видов транснациональных связей и попытки их использовать в качестве рычагов давления на отдельных акторов. Сильные, не подверженные давлению со стороны гегемона государства, – это полюса формируемого многополярного мира.

Поддержание суверенного состояния требует постоянного развития концепта и его практической адаптации к вызовам современности (*«марксизм не догма, а руководство к действию»*), в том числе с учетом воздействия последних научно-технических достижений (социальные коммуникации, облачные хранилища, искусственный интеллект и другие) на механизмы трансграничного общественного влияния.

Ввиду амбивалентности используемых понятий и категорий, имеет смысл сделать «сопряжение» таких концептов как суверенитет, безопасность, гегемонизм и неокOLONИализм (см. табл. 1).

Таблица 1. Матрица сопряжения понятий

+	–
Суверенитет (экономический, информационный и др.)	Гегемонизм (в сфере экономики, ИКТ и др.)
Безопасность (экономическая, информационная и др.)	Неоколониализм (экономический, информационный и др.)

Источник: составлено автором

В самом деле, суверенитет государства в отдельных сферах направлен на укрепление безопасности, то есть защищенности от внутренних и внешних угроз. Таким образом, данные понятия в целом достаточно близки по своему содержанию. Так, в экономической сфере в Российской Федерации популярен концепт (внешне)экономической безопасности, который применяется в том числе и к анализу социально-экономической обстановки на африканском континенте [Морозенская, Гаврилова, Калининченко 2024].

Противоположные суверенитету по характеру своего воздействия явления – это гегемонизм и неокOLONИализм, навязывающие отношения зависимости и несамостоятельности. Первый относится к политике США (как лидера «Коллективного запада» и более чем суверенному государству) и глобальным американоцентричным институтам и режимам (например, МВФ или Всемирный банк), заявившим о себе во второй половине XX в., когда произошло «установление гегемонии американского империализма над европейским капитализмом» [Сироткина 2020: 82]. Речь идет о неокOLONИализме нового типа [Дегтерев 2023: 22–25], критический анализ которого как целостного негативного явления предлагается, например, в рамках мир-системного подхода. НеокOLONИализм как более традиционное явление скорее относится к суб-имперским центрам силы «Коллективного Запада» из числа бывших метрополий, например, Франции [Давидчук, Дегтерев, Сидибэ 2022]. В обоих случаях речь идет об установлении зависимого развития и своего рода «вскрытии» национального суверенитета, в стремлении упрочить свое влияние на африканском континенте [Абрамова 2024: 4–5].

Понятие суверенитета носит комплексный характер и важна приоритизация тех сфер, которые имеют действительно критическое значение для устойчивого развития страны. Так, ранее уже упомянутый В.Л. Цымбурский выделяет четыре составляющих суверенитета в привязке к четырем (историческим) пониманиям суверенитета и четырем социальным функциям по Т. Парсонсу: политическая и военно-командная власть (*суверенитет монарха*; политическая функция); хозяйственная и гражданская общность (*суверенитет народа-населения*; экономически-адаптивная функция), культурно-языковой критерий (*суверенитет нации-этноса*, культурная функция) и сугубо технократический критерий управляемости (*суверенитет государства*, интегративная функция) [Цымбурский 1992: 6]. При это он говорит о своего рода конкуренции между различными прочтениями суверенитета в рамках его национальных идеологий – где-то больший упор делается на военную или политическую власть, где-то – на хозяйственную. В привязке к приоритетным типам суверенитета власти «продолжают менять политические имиджи, определяя динамику внешне- и внутривнутриполитических стратегий, умножая мифы власти» [Цымбурский 1992: 6]. Фактически, речь идет о различных стратегических культурах [Дегтерев 2024б: 59–64] при защите суверенитета того или иного государства.

Взгляд с противоположной стороны (своего рода «сеанс саморазоблачения») – это четыре (как и у В.Л. Цымбурского) структурных силы первого уровня «столпа западной гегемонии» британского ученого в области международной политической экономики С. Стрэндж (1923–1998) – структура безопасности (*НАТО*), структура производства (*ОЭСР*), финансовая структура (*Бреттон-Вудс*) и структура распространения знаний. Она также выделяет четыре структурных силы второго уровня – транспорт (морской и воздушный), торговля, энергетика и благосостояние (помощь) [Strange 1994; Дегтерев 2024б: 53–59]. В рамках сопряжения понятий (см. табл. 1) четыре структурных силы С. Стрэндж вполне можно использовать и для анализа неокOLONИальной политики отдельных держав, например, Франции [Давидчук,

Дегтерев, Сидибе 2022]. Американский публицист У. Энгдаль к «трем столпам Британской империи» относит контроль над мировой торговлей, над международным банковским делом и над мировым производством углеводов [Энгдаль 2016: 11–13].

К. Нкрума, которой ввел понятие «неоколониализм» в широкий научный оборот, в своей работе «Неоколониализм – последняя стадия империализма», пожалуй, ключевое значение уделяет контролю западного инвестиционного капитала над добычей природных ресурсов Африки, в том числе через систему дочерних компаний [Nkrumah 1965]. На современном этапе негативные для африканского суверенитета аспекты участия финансовых структур Содружества наций в акционерном капитале африканских компаний наглядно представляет кенийская исследовательница К. Амухайа⁴. Коллектив авторов под руководством российского африканиста Л.Л. Фитуни показывает роль международных санкций как инструмента неоколониальной политики Запада в Африке [Фитуни 2021]. При этом С. Стрэндж относит торговлю и энергетику лишь к структурной силе второго уровня и не рассматривает санкционный аспект, что, возможно, имеет дезинформационный характер.

В классической советской работе по западному неоколониализму, подготовленной А.В. Кивой и Е.А. Тарабриным, выделяется три ключевых инструмента – «политические маневры неоколонизаторов», «экономический арсенал» и «социально-политические аспекты» [Кива, Тарабрин 1976]. Безусловно, неоколониализм отдельных западных стран имеет свои страновые особенности [Абрамова 2023: 95–107; Бокерия и др. 2022: 675–681]. Британский в советской литературе лучше всего отражен в работе Е.А. Тарабрина [Тарабрин 1969]; французский – в работе Е.Г. Коренчука [Коренчук 1981]. В продолжении разговора о «маяках» в общественных науках, можно выделить две ключевых фигуры в СССР и РФ, которые развивали проблематику противодействия неоколониализму системно, на протяжении всей жизни – это Е.А. Тарабрин (1918–2004) и Л.Л. Фитуни (1953–2023). Оба были в разные годы заместителями директора Института Африки РАН.

Ряд составляющих суверенитета (экономическая, продовольственная, информационная) получили наибольшую степень проработанности, в то время как осознание необходимости других (например, языкового) менее очевидны (например, становились предметами спора между сенегальским ученым и общественным деятелем Шейхом Анта Диомом (1923–1986) и первым президентом Сенегала (1960–1980) Леопольдом Сенгором (1906–2001) [Садовская 2024; 25, 28]), и даже оспариваются рядом влиятельных лобби внутри африканских стран [Никольская 2024: 121–124]. Тем не менее, роль африканских языков в ряде стран континента возрастает, в том числе при поддержке России [Давыдов 2024].

В рамках усилий по стигматизации суверенитета, его часто неверно ассоциируют с автаркией. Достижение суверенитета не равнозначно автаркии по ряду причин. *Во-первых*, как показывает опыт специальной военной операции на Украине, в современных условиях даже при высокой интенсивности боевых действий речь не идет о «тотальной войне», и на повестке дня не стоит полный разрыв торгово-экономических отношений с недружественными странами, а управление асимметричными зависимостями, как долгосрочными (*vulnerabilities*), так и краткосрочными (*sensibilities*). Важно, чтобы страна не зависела от недружественного государства больше, чем последнее зависит от данной страны [Keohane, Nye 2011: 9–16; Дегтерев 2024б: 45–53].

⁴ Amuhaya C.A. Britain's 'common' wealth: How London ensures that Africa never prospers. *RT*. 21.05.2024. <https://www.rt.com/africa/597982-uk-financial-institutions-africa/> (accessed: 11.10.2024)

Во-вторых, суверенитет не равнозначен опоре на собственные силы, ведь речь может идти о *коллективной опоре* на собственные силы. В современных условиях это предполагает «коллективную страховку» со стороны таких институтов, например, как Альянс государств Сахеля (для каждой из трех сахельских стран по отдельности), а также «последнюю страховку» в лице незападного мира, авангардом которого является БРИКС [Бордачев, Суслов 2024]. Взаимодействие с последним не представляет угрозу национальной безопасности, поскольку западные страны не секьюритизируют двусторонние торгово-экономические отношения ради поддержания любой ценой «порядка, основанного на правилах». Кроме того, данная концепция предполагает *временный* «делинкинг», а впоследствии, по мере становления собственной структурной силы, – «релинкинг» (восстановление связей) со странами Запада [Дегтерев 2024в: 74–77]. В современных реалиях делинкинг оказывает ограниченное воздействие на африканские экономики, поскольку по мере повышения роли западных стран в мировой экономике и политике [Абрамова, Фитуни 2022: 838; Абрамова 2024: 3–4], значительная часть торговли и инвестиций Африки *уже* приходится на западных партнеров.

ВНЕШНЕЕ ИЗМЕРЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА: СТРУКТУРЫ ПРИЗНАНИЯ

Суверенитет на страновом уровне непосредственно связан с геополитическими процессами, происходящими на глобальном уровне. Пожалуй, лучше других это продемонстрировал российский интеллектуал В.Л. Цымбурский, который в своих трудах ввел две ключевых новации к концептуализации суверенитета.

Во-первых, он разделял «суверенитет факта», то есть фактическое эффективное осуществление власти над территорией, и «суверенитет признания», проистекающей из международно-правовой максимы: «государство является и становится международным лицом только и исключительно благодаря признанию» [Идея суверенитета 2008: 11]. При этом «суверенитет признания» также основан на взаимном признании суверенитета государствами, а известная формула власти Р. Даля⁵ обретает следующий вид: «*X осуществляет власть над A, и Y, осуществляющий власть над B, признает власть над A правом X*» [Идея суверенитета 2008: 14].

Суверенитет признания осуществляют «геополитические структуры согласия» или «структуры признания» [Идея суверенитета 2008: 15], которые более подробно В.Л. Цымбурский разбирал в своей статье 1992 г. В частности, он выделяет «мировые, региональные, блоковые, федеративные <...> структуры согласия, характеризующиеся распределением между своими членами различных типов и форм суверенитета» [Цымбурский 1992: 10]. При этом внимание «легитимизирующего сообщества» «концентрируется не столько даже на ценностях, декларируемых режимами, сколько на соблюдении эталонных процедур и сценариев, отвечающих стандарту системы, которые могут относиться как к внешне-, так и внутривнутриполитической сфере [Цымбурский 1992: 11]. Примерами таких сообществ являлся Священный союз в XIX в., социалистическое сообщество, квази-глобальное «сообщество западных демократий» в конце XX в.

Фактически в своем анализе суверенитета В.Л. Цымбурский переосмысливал колоссальные геополитические изменения после развала СССР и демонтажа предыдущих структур признания – Совета экономической взаимопомощи, Организации

⁵ «*A имеет силу над B в той степени, в которой он может заставить B сделать что-либо, что иначе B не стал бы делать*» [Dahl 1957: 202–203].

Варшавского договора, снижения влияния Движения неприсоединения и Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). По его мнению, к концу XX в. суверенитет признания возобладал над суверенитетом факта [Идея суверенитета 2008: 23]. В настоящее время история пошла на «очередной виток», и эрозию испытывают уже западноцентричные институты признания. Собственно, В.Л. Цымбурский и отмечал существование «различных систем признания» суверенитета [Идея суверенитета 2008: 28]. В частности, он выделял незападные «цивилизационные платформы» (либо «социальные системы» по А.И. Фурсову [Идея суверенитета 2008: 103]), «где авторитет евроатлантических инстанций проблематичен и неустойчив» [Идея суверенитета 2008: 42].

В самом деле, в последние годы на выборах в странах Азии, Африки и Латинской Америки все чаще наблюдателей из Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ)⁶ и Парламентской ассамблеи ОБСЕ заменяют представители незападных региональных организаций. Примеры С.Г. Тихановской (Белоруссия), Х. Гуайдо (Венесуэла) и ряд других показывают, что размахивание «демократическими патентами» [Идея суверенитета 2008: 24] без «суверенитета факта» более недостаточно, технология гуманитарного вмешательства все больше становится реликтом однополярного мира [Худайкулова 2016]. Тем не менее Западом апробируются все новые технологии внешнего признания, в том числе за счет многочисленных диаспор (выборы М. Санду в ноябре 2024 г.), что представляет вызов и для ряда африканских стран, также имеющих многочисленные диаспоры в странах Запада.

Концептуальные подходы В.Л. Цымбурского не противоречат подходам ряда западных авторов, исследовавших динамику суверенитета в Африке. Например, американский исследователь суверенитета Р. Джексон, анализируя устойчивость африканских государств в международной системе, также подчеркивал важную роль в этом структур признания, в том числе Организации африканского единства [Jackson, Rosberg 1982: 18–19], ООН, Международной организации франкофонии, британского Содружества наций, режима Ломейских конвенций (формат АКТ-ЕС) [Jackson, Rosberg 1982: 20]. В самом деле, в рамках приснопамятной «Франсафрик» [Филиппов 2024] Франция поддерживала при помощи широкого спектра неокOLONИАЛЬНЫХ инструментов, включая вооруженные интервенции, лояльные ей режимы [Давидчук, Дегтерев, Сидибэ 2022]. Примечательно, что признание независимости бывших французских колоний в 1960 г. происходило, как правило, в один день с подписанием новообразованными странами соглашений об обороне и военной помощи, а также о стратегическом сырье [Коренчук 1981: 90].

За минувшие годы привнесенный на Африканский континент концепт национального государства (*nation-state*) прижился и укрепился. В этом контексте уже не стоит абсолютизировать так называемый множественный суверенитет в африканских странах [Лошкарев 2024], который по факту, в образной трактовке российского исследователя А.И. Соловьева, представляет собой «как бы расщепленную форму общенационального суверенитета» [Идея суверенитета 2008: 97]. Традиционные институты власти на данный момент в целом не противоречат государственным. Они не бросают им открытый вызов, как это сейчас происходит с агрессивными негосударственными акторами, такими как *JNIM*⁷ в странах Сахеля.

В настоящее время исследователи по-разному осмысливают факт формирования в сентябре 2023 г. Альянса государств Сахеля. Так, российский исследователь

⁶ БДИПЧ – один из институтов Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)

⁷ «Джамаат Нусрат аль-Ислам валь-Муслимин», Jama'a Nusrat ul-Islam wa al-Muslimin, JNIM – джихадистская вооруженная группировка, действующая в Магрибе и Западной Африке.

И.Д. Лошкарёв в этой связи говорит о «лаборатории минилатерализма», подчеркивая инновационный характер объединения [Лошкарёв 2024б]. Если описывать Альянс государств Сахеля в терминологии В.Л. Цымбурского – это «сотворение особой <...> геополитической структуры признания» [Идея суверенитета 2008: 26]. В самом деле, лидеры трех стран Сахеля, пришедшие к власти военным путем, признают легитимность и суверенитет друг друга и намерены совместно его защищать. Минилатеральность объединения на данном этапе – это промежуточный шаг на пути от выхода из-под гегемонизма отдельных стран к формированию самодостаточных региональных организаций – полюсов многополярного мира.

Во-вторых, В.Л. Цымбурский различал суверенитет политический и суверенитет юридический. По его мнению, в период масштабных международных трансформаций происходит «мощное вторжение чисто политического отношения к суверенитету в область правотворчества» [Идея суверенитета 2008: 30]. При обсуждении доклада В.Л. Цымбурского российский специалист в области социальной философии и политической теории Ю.А. Красин (1929–2023) так конкретизировал данное положение:

«Право закрепляет общие “правила игры”, которые отражают устоявшийся баланс общественных интересов. Но в процессе исторического развития этот баланс меняется, и реальные политические отношения втискиваются в прокрустово ложе правового консерватизма. Возникшее противоречие сначала находит выражение в правосознании. Все большее число граждан воспринимают устаревшие правовые нормы как несправедливые. Прессинг на юридически оформленные “правила игры” нарастает, порождая потребность в их изменении. По сути дела, в этом противоречии политики и права – источник развития правовых систем» [Идея суверенитета 2008: 83].

В самом деле, существующие нормативные установки не успевают за волной «куволюций»⁸, произошедших в Сахеле [Fain, Issaev, Korotaev 2024]. Требуется вдумчивый анализ изменившихся общественных интересов в рамках социологии изменений [Идея суверенитета 2008: 111], который позволили бы адаптировать правовые нормы к новым социальным реалиям. В противном случае политика превалирует над правом, в том числе в рамках ЭКОВАС [Аду, Мезяев 2024], относящейся к традиционной «структуре признания».

Важным фактором укрепления суверенитета для многих африканских стран стало и улучшение внешних условий их развития за счет изменения глобальных правил игры. Используя выше обозначенный концептуальный подход (соотнесение «суверенитета факта» и «геополитических структур признания»), имеет смысл провести сравнительно-сопоставительный анализ ситуации в 1960-е–1980-е гг. и в настоящее время.

«ДУХ БАНДУНГА» И УТРАЧЕННЫЕ НАДЕЖДЫ НА НОВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРЯДОК

В первые несколько десятилетий после Года Африки (1960 г.) на континенте царил атмосфера небывалого эмоционального подъема. Явственно ощущался «дух Бандунга» (Бандунгской конференции стран Азии и Африки 1955 г.) и были сильны надежды на скорое экономическое возрождение получивших независимость стран Африки. Ряд из них наметил масштабные программы индустриализации и развития национальной промышленности, став на путь социалистической ориентации при поддержке СССР

⁸ Coup d'État и revolution – термин, сочетающий в себе «государственный переворот» и «революцию».

[Абрамова 2022: 73–85; Давидчук, Дегтерев, Корендясов 2022], либо (как, например, Нигерия) – путем построения «капиталистической» экономики с элементами планирования. Многие декларировали выбор особого, африканского пути развития – в «социалистической» Танзании это *уджамаа*, а в соседней «капиталистической» Кении – *харамбе* [Mbiti 1971; Vasiliev, Degterev, Shaw 2021: 255].

На международной арене в эти годы наблюдался подъем влияния стран «Глобального Юга», пытавшихся усилить значение государственного суверенитета в ключевых международных режимах, включая экономический, торговый, информационный и другие [Krasner 1985]. Благодаря консолидации их позиции и при активной поддержке СССР удалось изменить международную повестку в свою сторону. Так, в контексте формирования Нового международного экономического порядка широкое распространение получила концепция коллективной опоры на собственные силы [Дегтерев 2024в] и разрабатывался Кодекс поведения транснациональных компаний [Sauvant 2015]. В сфере международной торговли была запущена Всеобщая система преференций в пользу развивающихся стран (*Generalized System of Preferences, GSP*), а в 1976 г. – Интегрированная программа для сырьевых товаров (*Integrated Programme for Commodities, IPC*), позволявшая стабилизировать мировые рынки по 18 видам сырья [Bello 2006].

В гуманитарной сфере был провозглашен Новый международный информационный и коммуникационный порядок (НМИКП), а в докладе Комиссии Шона Макбрайда, представленном в 1980 г. на XXI сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в Белграде, предлагались практические меры по устранению неравенства в обмене информацией [Усачева 2024]. «На полях» мероприятий КОДЕСРИА (Совета по развитию экономических и социальных исследований в Африке) кипели panaфриканские дискуссии по общественным наукам [Хохолькова 2024], при этом сами африканцы определяли повестку ключевых Международных конгрессов африканистов, проходивших каждые пять лет на континенте [Дегтерев 2024а: 66–67].

Переосмысливая процессы, происходившие в тот период в самых разных сферах деятельности, можно сделать вывод о том, что 1970-е – начало 1980-х гг. стали временем реального укрепления национального суверенитета молодых африканских государств, а также пика влияния незападных стран на механизмы глобального управления. Во многом это стало возможным благодаря уникальной конфигурации системы международных отношений, в которой СССР и страны СЭВ активно поддерживали независимые государства Азии, Африки и Латинской Америки как «на земле» [Греков и др. 1987], так и на глобальном уровне, в институтах ООН. Будучи во многом западноцентричными на момент своего создания [Дегтерев 2024б: 172–173], многие послевоенные международные организации стали куда более незападными после успешного процесса деколонизации [Денисов, Урнов 2010], при этом США далеко не сразу поменяли свою стратегию и по инерции продолжали финансирование данных институтов, хотя «контрольный пакет акций» в них постепенно перешел в пользу «Глобального Юга» [Krasner 1985: 10–11].

Однако в определенный момент страны «Коллективного Запада» снова перехватили инициативу, вернув себе былое влияние как в международных делах, так и «на земле» – во всех ключевых сферах жизни «Глобального Юга». Индийский интеллектуал В. Прашад (еще один «маяк» Глобального Юга) считает, что «началом конца» стало создание в 1975 г. «Группы семи», позволившей «кристаллизировать» структурную силу «Коллективного запада» [Prashad 2012].

Впоследствии Программы структурной перестройки институтов Бреттон-Вудса (МВФ и Всемирный банк) в ответ на спровоцированный долговой кризис

переформатировали целые сектора, страны и регионы [Riddell 1992], в ряде случаев приведя к необратимым последствиям, которые не преодолены до сих пор. При этом традиционные персонифицированные неокOLONIALНЫЕ зависимости от бывших метрополий во многом сменились безликим коллективным неокOLONIALНИЗМОМ, где ключевую роль играла уже структурная зависимость, то есть навязанные «правила игры». Тем временем, СССР постепенно шел на конвергенцию с «Коллективным Западом», смягчая свои подходы [Курылев и др. 2022].

На национальном уровне программы структурной перестройки привели к сокращению социальных расходов и эрозии национальных государств, в ряде случаев к формированию феномена «несостоявшихся государств». Их место постепенно заняли международные некоммерческие организации (НКО), которые взяли на себя ряд функций государства по предоставлению базовых социальных услуг в области продовольственной безопасности, сельского хозяйства, здравоохранения, образования и водоснабжения. К середине 1990-х гг. в ряде стран западные НКО были вовлечены уже почти во все сферы деятельности, а зарплата государственным чиновникам зачастую стала выплачиваться преимущественно за счет средств западных кредиторов. В таких условиях стало сложно говорить о подлинном национальном суверенитете и тех возможностях для развития страны, которые он предоставляет. Способствовало этому и значительное сокращение в тот период прослойки суверенно мыслящей национальной интеллигенции [Мунене 2024].

На международной арене первоначальный импульс от инициатив сплоченного «Глобального Юга» конца 1970 – середины 1980-х гг. постепенно стал «угасать». Повестка Нового международного экономического порядка становилась все более декларативной (вплоть до сегодняшнего дня ежегодно на Генассамблее ООН проходит голосование по резолюции «О праве на развитие»), постепенно она стала замалчиваться и в ЭКОСОС, и в ПРООН⁹, и на заседаниях ГА ООН. Был закрыт Центр ООН по транснациональным корпорациям (ТНК), который эффективно отслеживал нарушения западных компаний в странах «Глобального Юга». Также, в секретариате ООН была упразднена должность генерального директора по развитию и международному экономическому сотрудничеству [Bello 2006].

После нескольких десятилетий развития ООН [Ларионова 2020] роль эгалитарной Организации Объединенных Наций (*одна страна – один голос*) как ключевой площадки по вопросам мирового экономического развития неуклонно снижалась, а на первое место вышли американоцентричные Всемирный банк и МВФ с их взвешенной системой голосования, а также Комитет содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), членами которого являются только развитые страны. Созданный в Женеве по инициативе шриланкийского интеллектуала Годфри Гунатилака «секретариат Третьего мира» («незападный ОЭСР») в формате Южной Комиссии (1987–1990 гг.) и Секретариата Юга (1991 – н.в.) под председательством вышедшего в отставку первого президента Танзании (1964–1985) Дж. Ньерере (1922–1999) впадал во все большую зависимость от западных спонсоров, финансировавших его деятельность [Дегтерев 2024в: 63].

На VIII Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) в Картахене (1992 г.) мандат данной организации, ратовавшей за увязывание вопросов либерализации торговли с проблематикой развития, был существенно урезан. Развитым страны удалось заблокировать любые попытки участия ЮНКТАД в Уругвайском

⁹ Программа развития ООН (ПРООН) – глобальная сеть Организации Объединённых Наций по оказанию безвозмездной и неполитизированной помощи ее государствам-членам в области развития.

раунде переговоров ГАТТ, то есть в реальном реформировании режима международной торговли. Функционал организации отныне ограничивался только «анализом, достижением консенсуса по некоторым вопросам, связанным с торговлей, и технической помощью» [Bello 2006]. Структурная власть «Глобального Юга» в сфере торговли постепенно сходилась на нет, вместе с тем, как Всемирная торговая организация (ВТО), созданная по проекту американского профессора Дж. Джексона¹⁰, и признававшая либерализацию торговли как безусловное благо, становилась основным регулятором внешней торговли вместо ЮНКТАД.

Однако даже в таком «урезанном» виде ЮНКТАД представляла опасность, поскольку критиковала итоги программ структурной перестройки, заявляла о необходимости справедливых цен на природные ресурсы (а не радикальной либерализации торговли) как пути к развитию «Глобального Юга», разоблачала несоблюдение западными странами своих обязательств в рамках ГАТТ. Неоднократно предпринимались попытки и вовсе «упразднить» ЮНКТАД, коль скоро значительная часть ее регулятивных функций перешла к ВТО [Bello 2006].

В информационной повестке континента постепенно стали доминировать «конвенциональные» нарративы, которые среди прочих продвигало созданное изначально для противоположных целей «Панафриканское новостное агентство» [Усачева 2024: 49–50]. Альтернативные источники информации на континенте были свернуты. Панафриканские нарративы в общественной науке постепенно сходили на нет, набирали вес исследования демократизации [Tieku 2021: 665–667], а также западные наукометрические индексы.

ВОЗРОЖДЕНИЕ АФРИКАНСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА В КОНТЕКСТЕ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Формирование многополярного миропорядка дает новую надежду на укрепление африканского суверенитета. В 2009 г. был создан БРИК, через год к нему присоединилась ЮАР. Именно БРИКС В. Прашад рассматривает как реальную попытку восстановления субъектности стран «Глобального Юга», посвящая этому третью главу своей работы с характерным названием «Локомотивы Юга» [Prashad 2012]. Африка была в фокусе внимания нового института практически с самого начала. В 2023 г. на саммите в Йоханнесбурге в БРИКС были приняты еще два африканских государства – Эфиопия, где находится штаб-квартира Афросоюза, а также Египет. В 2024 г. статус государств-партнеров БРИКС также получили Алжир, Нигерия и Уганда.

Анализ деклараций и совместных заявлений лидеров БРИКС (2009–2022 гг.) показывает (*табл. 2*), что проблематика безопасности играет важную роль и упоминается в каждой без исключения декларации. Согласно проведенному сопряжению понятий (см. *табл. 1*), безопасность – это смежное с суверенитетом понятие.

В декларациях БРИКС речь идет как о традиционном (военном) понимании безопасности, так и в более широком анализе вопросов мира, безопасности, развития и сотрудничества («партнерство в интересах глобальной стабильности, безопасности и процветания»). С 2017 г. в заключительных декларациях саммитов БРИКС под безопасностью в узком понимании (преимущественно, традиционные угрозы безопасности) выделяется отдельный раздел с характерными названиями: «Обеспечение мира и безопасности» (2022 г.), «Мир, безопасность и сотрудничество в

¹⁰ Interview with Professor John Jackson on the WTO's Dispute Settlement System. *WTO*. https://www.wto.org/english/forums_e/debates_e/debate41_e.htm (accessed: 10.10.2024)

борьбе с терроризмом» (2021 г.), «Политика и безопасность» (2020 г.), «Ситуация в регионах мира» (2019 г.), «Укрепление и расширение сотрудничества стран БРИКС в области международного мира и безопасности» (2018 г.), «Международный мир и безопасность» (2017 г.).

Таблица 2. Безопасность в декларациях саммитов БРИКС, 2009–2022 гг.

Годы	Традиционная безопасность	Продовольственная безопасность	Информационная безопасность	Энергетическая безопасность	Безопасность в области здравоохранения	Финансовая безопасность	Безопасность в сфере международной торговли	Экологическая безопасность
2009	√	√		√				
2010	√	√						
2011	√	√	√	√				
2012	√	√		√				
2013	√	√	√					
2014	√	√	√			√	√	√
2015	√	√	√	√	√			√
2016	√	√	√	√	√	√		√
2017	√	√	√	√	√		√	
2018	√	√	√	√		√	√	
2019	√	√	√	√	√			
2020	√	√	√	√	√	√	√	√
2021	√	√	√	√	√	√		
2022	√	√	√	√	√	√		

Источник: составлено автором.

В контексте обеспечения комплексного суверенитета важную роль играет второе направление – связка «безопасность-развитие» (*security-development nexus*). Обеспечение мира и безопасности также увязывается с искоренением нищеты, неравенства и безработицы. Соответственно данные аспекты не рассматриваются в разделе с классическими трактовками безопасности, а «разбросаны» по другим разделам, связанным в первую очередь с устойчивым развитием (за исключением кибербезопасности, которая рассматривается преимущественно в специализированном разделе деклараций по безопасности).

Таким образом, отдельные аспекты устойчивого развития в финальных декларациях саммитов БРИКС секьюритизируются (то есть рассматриваются в контексте вызовов безопасности в ее расширительной трактовке). Во всех без исключения декларациях саммитов 2009–2022 гг. уделяется внимание продовольственной безопасности, имеющей особое значение как раз для Африки [Свиридов, Андреева 2024]. С 2013 г. также регулярно упоминается и информационная безопасность, в том числе в связи с обеспечением и политического суверенитета (роль медиа при организации и проведении выборов). В последние годы новым измерением информационной безопасности становится регулирование искусственного интеллекта,

а также нейтрализация киберугроз в финансовой сфере. Энергетическая безопасность как отдельное понятие фигурировала в декларациях всех саммитов, кроме 2010 и 2013–2014 гг., причем в 2011–2012 гг. особо отмечалось значение атомной энергетики – одного из самых перспективных направлений сотрудничества России со странами Африки [Абрамова 2024]. Безопасность в сфере здравоохранения упоминается в документах саммитов БРИКС 2015 г., 2016 г., 2017 г., 2019–2022 гг. Причем, если в 2015 г. речь шла о глобальной безопасности здоровья, в 2016–2017 и 2019 гг. – преимущественно о медикаментах, а в 2020–2022 г. – о вакцинах и системах тестирования.

Площадка БРИКС – это пример «клубной дипломатии», межрегиональный формат, на котором происходит согласование позиций незападного мира, стран «Глобального Юга», включая все более широко представленную Африку, как раньше это происходило в рамках Движения неприсоединения и на площадке ЮНКТАД. Описывая последнюю, филиппинский интеллектуал В. Белло отмечал: «ЮНКТАД, возможно, не обладает материальными ресурсами (западных) институтов, но у нее есть то, что нельзя купить за миллиарды долларов Всемирного банка и МВФ: легитимность среди развивающихся стран» [Bello 2006]. У БРИКС на сегодня также есть легитимность среди стран «Глобального Юга» (отсюда – большой список кандидатов на вступление), финансирование Китая и арабских стран-членов организации, а также непреклонность России в отстаивании суверенитета. Структурная сила западных стран постепенно укрепляется вместе с их переговорной позицией на международной арене [Дегтерев 2024: 219–239].

Тем временем, наблюдается кризис легитимности западнцентричных институтов, которым все труднее претендовать на глобальный статус [Clark 2021]. Это касается и ВТО (либерализация торговли скорее выгодна Китаю, а не США), и МВФ со Всемирным банком («крайне централизованы, крайне неподотчетны и крайне непрозрачны» [Bello 2006]), а также Комитета содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития (КСР ОЭСР). Подходы КСР ОЭСР вызывают неприятие у многих стран Африки и ассоциируются скорее с анти-развитием, цементированием «матрицы зависимости» африканских стран от «Коллективного запада», сохранением неокOLONИАЛЬНОГО статуса-кво [Нганг 2024]. Необходима новая повестка и новые форматы ее реализации. В этом контексте БРИКС все больше выступает площадкой, на которой западные страны как раз и согласуют новую версию глобальной повестки.

Между тем «на земле», на Африканском континенте, происходят важные изменения, когда предыдущие, неокOLONИАЛЬНЫЕ подходы перестают работать. В африканские стратегии западных акторов (Франция, Великобритания, США) спешно вносятся коррективы и ощущается некоторая растерянность. Делается попытка объявить любые, не совпадающие с их официальной позицией нарративы, российской или китайской «пропагандой и дезинформацией» [Околи 2024].

В несколько более выгодном положении оказываются немцы, которые в последние годы в Сахеле предпочитали быть «за спиной» французов, не участвуя напрямую в военных действиях [Трунов 2024], параллельно в академическом пространстве продвигая проблематику суверенитета, и даже – отмену франка КФА как «последней колониальной валюты» [Gadha et al. 2022]. Вместе с тем подлинный суверенитет ФРГ, на территории которой со времен Второй мировой войны находятся американские военные, и которая плотно интегрирована в евро-атлантические структуры, вызывает сомнение. Не будучи полностью суверенным самому, достаточно сложно учить суверенитету других [Трунов 2024].

Таким образом постепенно формируется «новая нормальность», когда на Африканском континенте снова становится популярной проблематика суверенитета, а в качестве «структур признания» постепенно утверждаются незападные институты, легитимирующие правила суверенного существования, а не так называемые устанавливаемые извне стандарты «надлежащего управления» [Фитуни 2021].

РОССИЯ – АФРИКА: НА ОДНОЙ СТОРОНЕ ИСТОРИИ

В уже начавшуюся эпоху бурных международных трансформаций Россия и Африка находятся на одной стороне истории или «в одной лодке» [Абрамова, Фитуни 2022: 844]. Острее других это чувствовал выдающийся африканский интеллектуал Самир Амин (1931–2018). В своей книге «Россия: долгий путь от капитализма к социализму» он вспоминал, как в детстве вместе с отцом праздновал в Порт-Саиде (Египет) победу СССР под Сталинградом вместе с тысячами людей: «Мы выиграли войну, они должны убраться прочь» [Амин 2017: 14]. Его отец ассоциировал себя и миллионы африканцев с советским народом («мы»), а «их» («они») – с западными колониальными державами. В его сознании четко запечатлелась связь между победой СССР и борьбой народов Азии и Африки против колонизаторов.

Такая связь прослеживается и сегодня, в контексте специальной военной операции (СВО), когда Россия выступает структурообразующим актором мировой политики и также испытывает симпатии со стороны миллионов африканцев. Ведь начало СВО изменило отношения не только РФ и Запада, но и Запада с остальной частью мира, в том числе с Африкой, став «отправной точкой формирования новой геополитической карты мира, на которой африканские страны могут снова начать играть важную роль в современных международных отношениях» [Аду 2024: 3]. Эти слова взяты из монографии об отношении Африки к СВО, написанной А.Я. Никэзом, ивуарийским интеллектуалом, юристом-международником.

По мнению С. Амина, «Россия (как и Китай) – слишком большая и слишком важная страна, чтобы с ее независимостью смирились те, кто хочет доминировать в мире <...> Постсоветская Россия, а также народы, входившие в состав СССР, снова принимают вызов, который принимали веками: согласиться с подчиненным положением в качестве периферии, над которой доминирует новая система мирового империализма, либо вступить на путь независимости...» [Амин 2017: 15]. Таким образом, постоянная борьба за суверенитет – это императив Российской Федерации.

Но такая же дилемма стоит и перед странами Африки – «согласиться с подчиненным положением в качестве периферии..., либо вступить на путь независимости». Да, африканцы подвергались более очевидной маргинализации, поскольку у россиян одинаковый с европейцами цвет кожи. Однако расизм – это в первую очередь экономическая категория¹¹.

В начале 1960-х гг. К. Нкрума, продвигавший идею независимого развития Африки, вступил в спор с первым президентом независимого Кот-д’Ивуара (1960–1993) Ф. Уфуэ-Буаьи (1905–1993), выступавшим за создание франко-африканского сообщества [Мунене 2024: 12] и изложившим свое видение в статье во французском журнале *Le Monde diplomatique*¹². Схожие иллюзии были и в позднем СССР, а также в РФ,

¹¹ Парадокс Африки: что показала СВО России и Западу. *РИА Новости Крым*. 29.07.2024. <https://crimea.ria.ru/20240729/paradoks-afriki-cto-pokazala-svo-rossii-i-zapadu-1139189750.html?ysclid=m3e9bdr3wv274493553> (дата обращения: 11.10.2024)

¹² Houphouët-Boigny F. Afrique et communauté franco-africaine. *Le Monde Diplomatique*. 1958. № 11. https://www.monde-diplomatique.fr/1958/11/HOUPHOUET_BOIGNY/22803 (accessed: 11.10.2024)

намеревавшихся интегрироваться в евро-атлантическое сообщество на правах равных [Курылев и др. 2022]. В 2014 г., а особенно с началом СВО наступил момент истины.

За последние 25 лет Российская Федерация прошла долгий путь укрепления собственного суверенитета, отказавшись еще в 2000 г. от новых займов МВФ, постепенно усиливая позиции государства в экономической политике и укрепляя роль национальных банков развития. Большая работа была проведена по укреплению информационного и ценностного суверенитета [Дегтерев 2022; Усачева 2024], был принят ряд законов, ограничивших деятельность иностранных НКО и укрепивших политический суверенитет.

Накопив солидный опыт укрепления собственного суверенитета, РФ готова делиться им со странами Африки, выступая провайдером комплексного суверенитета. Это не простой путь, ведь суверенитет – это ответственность, а зачастую проще (особенно в бюрократическом контексте) опереться на уже готовые и «удобные» западные решения (колониально-франшизная модель¹³), чем сквозь «пот и слезы» разрабатывать свои собственные решения.

* * *

Суверенитет – это категория, недостаточно представленная в современной западноцентричной общественной науке. Она сопрягается с другими смежными концептами, как синонимичными (безопасность), так и антонимичными (гегемонизм и неокOLONИализм). Согласно подходу В.Л. Цымбургского фактический суверенитет дополняется «суверенитетом признания», исходящим от внешних легитимирующих структур. Последние в настоящее время меняются – на смену западноцентричным приходят незападные институты «геополитического признания». Так уже было в 1970–1980-х гг., когда наблюдался предыдущий пик стремлений к суверенитету, которые поддерживало Движение неприсоединения, ЮНКТАД и ряд других институтов. Важно сделать правильные выводы из предыдущей попытки, чтобы избежать ошибок на новом этапе ресуверенизации Африки.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамова И.О. (ред.). *Африка: неоплаченный долг колонизаторов*. М.: Институт Африки РАН, 2023.
- Абрамова И.О. *Новый миропорядок: от наследия колониализма к суверенитету и развитию*. Доклад на XVI Международной конференции африканистов (Москва, 21–23 мая 2024). М.: Институт Африки РАН, 2024. https://www.inafran.ru/sites/default/files/event_file/abramova_plenary_report.pdf
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Второй саммит Россия-Африка: от наследия колониализма к суверенитету и развитию. *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67. № 12. С. 35–48. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-12-35-48>
- Абрамова И.О. Стратегия сотрудничества России со странами Африканского континента: что изменилось после Второго саммита Россия-Африка? *Вестник Российской академии наук*. 2024. Т. 94. № 6. С. 500–515. <https://doi.org/10.31857/S0869587324060015>
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Пути повышения эффективности африканской стратегии России в условиях кризиса существующего миропорядка. *Вестник Российской академии наук*. 2022. Т. 92. № 9. С. 837–848. <https://doi.org/10.31857/S086958732209002X>
- Аду Я.О. *Африка в системе современных международных отношений в контексте СВО на Украине*. М.: Инфра-М, 2024.
- Аду Я.Н., Мезяев А.Б. Политические потрясения в ЭКОВАС: преобладание политики над правом. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. № 2. С. 102–117. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-102-117>

¹³ Чадаев А. А теперь об объективных отличиях колониальной венчурно-франшизной и суверенной моделей. *Чадаев*. 29.04.2024. <https://t.me/chadayevru/2771> (дата обращения: 11.10.2024)

- Аке К. *Политическая экономия Африки*. М.: Издательство «Прогресс», 1985.
- Амин С. *Россия: долгий путь от капитализма к социализму*. М.: ИНИР, 2017.
- Анише Т.Э. Деколонируя теории региональной интеграции. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. № 2. С. 134–143. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-134-143>
- Бокерия С.А., Давидчук А.С., Дегтерев Д.А., и др. Советские исследования неокOLONИализма. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2022. Т. 22. № 4. С. 671–687. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-671-687>
- Бордачев Т.В., Суслов Д.В. Авангард Мирового большинства: новая идентичность БРИКС при неизменном базисе. *Международная жизнь*. 2024. Специальный выпуск «Российское председательство в БРИКС-2024: укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». С. 78–91.
- Греков Ю.Н., Качанов А.И., Сухопаров Д.И., Теодорович Т.В. *Экономические и техническое содействие СССР зарубежным странам*. М.: Международные отношения, 1987.
- Давидчук А.С., Дегтерев Д.А., Сидибэ О. Военное присутствие Франции в Мали: структурная власть субимперии «Коллективного запада». *Актуальные проблемы Европы*. 2022. № 4 (116). С. 50–78. <https://doi.org/10.31249/ape%2F2022.04.03>
- Давидчук А.С., Дегтерев Д.А., Корендясов Е.Н. Советская структурная помощь Республике Мали в 1960–1968 гг. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2022. Т. 22. № 4. С. 714–727. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-714-727>
- Давыдов А.В. Создание национально-ориентированных пособий по русскому языку как иностранному для африканских аудиторий: малийский опыт. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. № 3. С. 131–141. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-68-3-131-141>
- Дегтерев Д.А. «Африканская агентность» в конструировании «африканской агентности»: международные исследования на Черном континенте. *Международная аналитика*. 2024а. № 15 (2). С. 57–73. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-2-57-73>
- Дегтерев Д.А. (ред.). *Конкуренция между США и КНР: возможности для России*. М.: Аспект Пресс, 2024б.
- Дегтерев Д.А. «Коллективная опора на собственные силы»: новое прочтение концепции в Сахеле в контексте становления многополярного мира. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024в. № 2. С. 60–81. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-60-81>
- Дегтерев Д.А. К окончанию «постколониального момента» антиколониальной борьбы: контуры исследовательской программы. *Постколониализм и современность*. 2023. № 1. С. 13–46. <https://doi.org/10.31249/j.2949-1711.2023.01.01>
- Дегтерев Д.А. Ценностный суверенитет в эпоху глобальных конвергентных медиа. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2022. Т. 22. № 2. С. 352–371. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-352-371>
- Денисов А.В., Урнов А.Ю. СССР и деколонизация Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2010. № 12. С. 15–20.
- Дугин А.Г. Вестернология: в направлении суверенной русской науки. *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки*. 2024. № 3. С. 7–21. <https://doi.org/10.18384/2949-5164-2024-3-7-21>
- Идея суверенитета в российском, советском и постсоветском контексте*. Материалы научного семинара. Выпуск № 4 (13). М.: Научный эксперт, 2008.
- Кива А.В., Тарабрин Е.А. *Неоколониализм: стратегия и тактика*. М.: Знание, 1976.
- Коренчук Е.Г. *Французский неокOLONИализм в Тропической Африке (1958–1972 гг.)*. М.: УДН, 1981.
- Курышев К.П., Дегтерев Д.А., Грачиков Е.Н., Шпаковская М.А. Назад в будущее: советская внешняя политика 2.0. *Постсоветские исследования*. 2022. Т. 5. № 7. С. 754–763.
- Ларионова М.В. Десятилетия развития ООН (1961–2000 гг.): эволюция систем оценки в контексте теорий развития. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2020. Т. 20. № 1. С. 170–183. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-1-170-183>
- Лошкарёв И.Д. Особенности суверенитета государств в Африке: теоретический ракурс. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024а. № 2. С. 9–23. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-9-23>
- Лошкарёв И.Д. Альянс государств Сахеля как «лаборатория» минилатерализма. *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2024б. № 5. С. 108–119. <https://doi.org/10.31696/S086919080030925-4>
- Морозенская Е.В., Гаврилова Н.Г., Калининченко Л.Н. Экономическая безопасность в странах Африки к югу от Сахары: возможные пути преодоления новых вызовов. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. № 2. С. 82–101. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-82-101>
- Мунене М. Свобода разума: sine qua non суверенитета в Африке. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. № 3. С. 7–18. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-68-3-7-18>

- Нганг К.Ч. Право на развитие и роль иностранной помощи КСР ОЭСР в развитии Африки. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. № 2. С. 40–59. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-40-59>
- Никольская М.В. Современная языковая политика в Танзании: cui prodest? cui bono? *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. № 3. С. 114–130. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-68-3-114-130>
- Околи А.Ч. Суверенитет Африки в контексте перехода к многополярному миропорядку (на примере дискурса вокруг Сахеля). *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. № 2. С. 118–133. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-118-133>
- Садовская Л.М. Шейх Анта Диоп: выдающийся мыслитель, пробуждающий африканское самосознание. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. № 3. С. 19–31. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-68-3-19-31>
- Свиридов В.Ю., Андреева Т.А. Российские удобрения как элемент укрепления продовольственного суверенитета Африки. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. № 2. С. 170–185. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-170-185>
- Сироткина А.И. Эволюция теоретических воззрений на неокOLONIALИЗМ как экономическую категорию. *Вопросы политической экономики*. 2020. № 3 (23). С. 82–97. <https://doi.org/10.5281/zenodo.4067063>
- Тарабрин Е.А. *Стратегия и тактика неокOLONIALИЗМА Англии*. М.: Наука, 1969.
- Трунов Ф.О. Стратегическая активность ФРГ в Сахеле и проблема суверенитета стран региона (на примере Мали). *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. № 2. С. 157–169. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-157-169>
- Усачева В.В. Африканские страны в поисках информационного суверенитета: прошлое и настоящее. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. № 3. С. 44–63. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-68-3-44-63>
- Филиппов В.Р. Системный кризис «Франсафрик». *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. № 2. С. 144–156. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-144-156>
- Фитуни Л.Л. (ред.). *Африка: санкции, элиты и суверенное развитие*. М.: Институт Африки РАН, 2021.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Политическая теория деколонизации: императивы современного прочтения. *Полис. Политические исследования*. 2020. № 6. С. 26–40. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.03>
- Хохолькова Н.Е. Деколонизация африканских исследований: теоретическое и практическое измерения. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. № 3. С. 32–43. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-68-3-32-43>
- Худайкулова А.В. Новое в управлении международными конфликтами. *Международные процессы*. 2016. Т. 14. № 4. С. 67–79. <https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.4.47.5>
- Шай К.Б. Эпистемология афроцентризма для социальных наук (интервью). *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. № 3. С. 107–113. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-68-3-107-113>
- Цымбурский В.Л. Понятие суверенитета и распад Советского Союза. *Страна и мир*. № 1. 1992. С. 4–16.
- Цымбурский В.Л. Остров Россия (Перспективы российской геополитики). *Полис. Политические исследования*. 1993. № 5. С. 6–23.
- Энгдаль У. *Столетие войны. Англо-американская нефтяная политика и Новый Мировой Порядок*. М.: Селадо, 2016.
- Amin S. *L'implosion du capitalisme contemporain: automne du capitalisme, printemps des peuples?* Paris: Delga, 2012.
- Bello W. UNCTAD: Time to Lead, Time to Challenge the WTO. *TNI*. 01.05.2006. <https://www.tni.org/en/article/unctad-time-to-lead-time-to-challenge-the-wto> (accessed: 10.10.2024)
- Carmody P., Murphy J.T. (Eds.). *Handbook of African Economic Development*. Cheltenham: Edward Elgar, 2024. <https://doi.org/10.4337/9781800885806>
- Clark R. Pool or Duel? Cooperation and Competition Among International Organizations. *International Organization*. 2021. Vol. 75. № 4. Pp. 1133–1153. <https://doi.org/10.1017/S0020818321000229>
- Dahl R. The Concept of Power. *Behavioral Science*. 1957. Vol. 2. № 3. Pp. 201–215. <https://doi.org/10.1002/bs.3830020303>
- de Oliveira F.A., Kvangraven I.F. Back to Dakar: Decolonizing international political economy through dependency theory. *Review of International Political Economy*. 2023. Vol. 30. № 5. Pp. 1676–1700. <https://doi.org/10.1080/09692290.2023.2169322>
- Fain E., Issaev L., Korotaev A. Coupvolution as a Mechanism of Regime Change in the Sahel. In: Besenyó J., Issaev L., Korotayev A. (Eds.). *Terrorism and Political Contention. Perspectives on Development in the Middle East and North Africa (MENA) Region*. Cham: Springer, 2024. Pp. 133–150. https://doi.org/10.1007/978-3-031-53429-4_7

- Gadha M.B., Kaboub F., Koddenbrock K., Mahmoud I., Samba Sylla N. (Eds.). *Economy and Monetary Sovereignty in 21st Century Africa*. London: Pluto Press, 2022.
- Jackson R., Rosberg C. Why Africa's Weak States Persist: The Empirical and the Juridical in Statehood. *World Politics*. 1982. 35 (01). Pp. 1–24. <https://doi.org/10.2307/2010277>
- Keohane R., Nye J. *Power and Interdependence*. 4th ed. N.Y.: Longman, 2011.
- Krasner S. *Structural Conflict. The Third World against Global Liberalism*. Berkeley: University of California Press, 1985.
- Langan M. *Neo-colonialism and the poverty of 'Development' in Africa*. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-58571-0>
- Langan M. *Global Britain and Neo-colonialism in Africa. Brexit, 'Development' and Coloniality*. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-42482-3>
- Ndlovu-Gatsheni S.J. Revisiting Marxism and decolonisation through the legacy of Samir Amin. *Review of African Political Economy*. 2021. Vol. 48. № 167. Pp. 50–65. <https://doi.org/10.1080/03056244.2021.1881887>
- Nkrumah K. *Neo-Colonialism: The Last Stage of Imperialism*. New York: International Publishers, 1966.
- Moyo G. *Africa in the Global Economy. Capital Flight, Enablers, and Decolonial Responses*. Cham: Springer, 2024. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-51000-7>
- Mbithi Ph., Rasmusson R. *Self-Reliance in Kenya. The Case of Harambee*. Uppsala: Scandinavian Institute of African Studies, 1977.
- Prashad V. *The Poorer Nations: A Possible History of the Global South*. London: Verso Books, 2012.
- Riddell B. Things Fall Apart Again: Structural Adjustment Programmes in Sub-Saharan Africa. *The Journal of Modern African Studies*. 1992. Vol. 30. № 1. Pp. 53–68. <https://doi.org/10.1017/S0022278X00007722>
- Sauvant K. The Negotiations of the United Nations Code of Conduct on Transnational Corporations: Experience and Lessons Learned. *The Journal of World Investment and Trade*. 2015. Vol. 16. № 1. Pp. 11–87. <https://doi.org/10.1163/22119000-01601002>
- Strange S. *State and Markets*. 2-nd Edition. London: Continuum, 1994.
- Tieku Th. The Legon School of International Relations. *Review of International Studies*. 2021. Vol. 47. № 5. Pp. 656–671. <https://doi.org/10.1017/S0260210521000395>
- Vasiliev A.M., Degterev D.A., Shaw T.M. (Eds.). *Africa and the Formation of the New System of International Relations. Rethinking Decolonization and Foreign Policy Concepts*. Cham: Springer, 2021. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-77336-6>

RE-SOVEREIGNISING AFRICA IN THE CONTEXT OF THE NEW WORLD ORDER FORMATION

© 2024 D.A. Degterev

DEGTEREV Denis Andreevich, Doctor of Political Science, Candidate of Economic Sciences, Professor, Principal Research Fellow, Center for Transition Economy Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-7426-1383. E-mail: ddegterev@inafr.ru

Abstract. This article is devoted to an examination of both the theoretical and practical aspects of the strengthening of sovereignty on the African continent. The first part of the article comprises a critical analysis of the ‘conventional’ social sciences, concluding that there is no enough literature addressing the issue of sovereignty. The theoretical part of the article also provides a matrix of conjugations of concepts, both synonymous (sovereignty and security) and antonymous to the former (hegemony and neocolonialism). The article then goes on to present the main classifications of types of sovereignty, hegemony and neocolonialism as interpreted by leading Soviet, Russian, Western and African scholars. The theoretical framework of the study is based on the works of the prominent Russian intellectual V.L. Tsymbursky, who distinguished between ‘sovereignty of fact’ and ‘sovereignty of recognition’, and also divided the political and legal nature of sovereignty. This framework is used to examine both the current situation in the Sahel and the broader African context, and the unprecedented rise in efforts to strengthen sovereignty in Africa that took place in the 1970s and 1980s, coinciding with the peak of the Non-Aligned Movement’s and the UNCTAD’s activities.

The author identifies the problem of sovereignty defense (ensuring comprehensive security) in the declarations of the BRICS summits in 2009–2022. Conclusions are drawn about the ‘double evolution’ of the external structures of ‘geopolitical recognition’ that took place immediately after the collapse of the USSR and in recent years, when the erosion of the Western-centric system is observed. The final part of the study draws parallels between the Russian and African approaches to the defense of sovereignty in the current world system and concludes that lessons of the previous attempt to consolidate the ‘Global South’ (1970s–1980s) should be taken into account.

Keywords: Africa, Russia, sovereignty, Non-Aligned Movement, BRICS, hegemony, multipolarity, global governance, economic science, dependent development

DOI: 10.31132/2412-5717-2024-69-4-29-48

For citation: Degterev D.A. Re-Sovereignising Africa in the context of the New World Order Formation. *Journal of the Institute for African Studies*. 2024. № 4. Pp. 29–48. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-69-4-29-48>